

• *Суд сердца* •

О ТОМ, КАК ТРУДНО РЕШАТЬ
ЧУЖУЮ СУДЬБУ, КОГДА НЕ МОЖЕШЬ
РАЗОБРАТЬСЯ В СОБСТВЕННОЙ,
ЧИТАЙТЕ В ЦИКЛЕ РОМАНОВ

МАРИИ ВОРОНОВОЙ

Женский приговор
Погружение в отражение
Идеальная жена
Сама виновата
Когда убьют — тогда и приходите
Жертва первой ошибки
Второй ошибки не будет
Из хорошей семьи
Кадры решают все
Без подводных камней
Угол атаки
Вечный шах
Прибавление семейства
Дорога, которой нет
Мужчина в тени

**МАРИЯ
ВОРОНОВА**

**МУЖЧИНА
В ТЕНИ**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии *Алексея Дурасова*

Издание осуществлено при содействии
Натана Яковлевича Заблоцкиса

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Воронова, Мария Владимировна.

В75 Мужчина в тени / Мария Воронова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-235222-5

Роковой выстрел в коридоре Смольного эхом отозвался через десятилетия. Для всей страны это страница учебника истории, для Ирины — личный вызов и опасная интеллектуальная игра. Почему охранник опоздал всего на несколько секунд? Был ли убийца Николаев фанатиком или послушным орудием в руках «мужчин в тени»?

Пока Ирина ищет ответы на пожелтевших страницах книг, её близкие сталкиваются с вызовами настоящего. Иногда случайная встреча в библиотеке меняет всю жизнь и заставляет делать трудный выбор.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235222-5

© М.В. Виноградова, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Успехи у нас действительно громадны.

Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить.

С. М. Киров

Июнь

Вэтом году Зоя впервые никуда не поехала на каникулы, решив поработать в клинике, где летом рады каждой паре рук. Родители немного погоревали насчет свежего воздуха, солнца, моря и витаминов, которых она недосчитается в своем растущем организме, помахали перед носом путевкой в Крым, но быстро отступились, зная, что своенравная дочь все равно сделает по-своему.

Иногда в солнечные дни Зоя скучала по морю, но ни разу серьезно не пожалела о своем решении. Клиника без студентов и половины докторов, уехавших в отпуск, оказалась настоящим кладезем знаний и опыта. Ей позволяли мыться на операции, осматривать больных и заполнять истории болезни, врачи занимались с нею, звали посмотреть сложные случаи и объясняли многие тонкости, которые не узнаешь от преподавателей в институте. Однажды Зою поставили «на крючки» к самому профессору Бахтиярову, который всю операцию гонял ее не только по хирургии, но и по общей культуре. Зоя ответила почти на все вопросы величавого профессора, особенно из последней области, как-никак мама с папой всю жизнь готовили дочку к гуманитарному образова-

нию. Крючки она, кажется, тоже держала сносно, во всяком случае, ни разу не получила корнцангом по рукам. Размывшись, Бахтияров заметил, что «хирургия — не женская специальность, но из девочки, пожалуй, выйдет толк. Если будет помнить, что золотые руки только тогда имеют ценность, когда прикреплены к светлой голове». Чтобы не быть голословным, Бахтияров предложил ей за каникулы написать реферат о механизмах тромбообразования. Это дисциплинирует ее ум и привьет вкус к научной работе.

Зоя поблагодарила профессора, но в библиотеку, откровенно говоря, не тянуло.

Слишком много было всякого интересного в клинике, Зоина бы воля, она бы вообще оттуда не выходила.

Однажды она отдежурила сутки, а потом осталась еще на целый день. За ночь было много поступлений, Зоя устала и утром хотела пойти домой, но как откажешь, когда тебя зовут ассистировать на резекцию желудка, будто настоящего врача? Следом сразу созрела непроходимость, потом подали сомнительный аппендицит, который по классике жанра наблюдали сутки и приняли решение оперировать за три минуты до конца рабочего дня.

Только в восьмом часу вечера Зоя на автопилоте добрела до своей кровати и упала в нее абсолютно счастливая. И проснулась только поздним утром от звонка Лизы. Подруга требовала немедленного Летнего сада. Организм требовал спать дальше, но Зоя решила, что Лиза важнее.

День действительно начинался такой, что жаль проводить его дома. Солнце будто одело Ленинград в яркий летний сарафан с голубой косынкой неба. Зоя шла по

городу, радуясь краскам лета, правда, с непривычки глаза быстро устали.

Лиза в кремовом платье в бледный цветочек ждала ее на скамейке под деревом с книгой в руках, как настоящая тургеневская девушка. Сквозь листву на нее падала кружевная тень.

Зоя уселась рядом и сквозь крону дерева стала смотреть на солнце.

— Надо ловить момент, — сказала Лиза.

— Угу.

Кажется, она задремала, потому что не заметила, как Лиза принесла два вафельных стаканчика.

Мороженое быстро таяло, и есть пришлось стоя, чтобы не попало на платье.

Зоя поглядела на обложку Лизиной книги. Шекспир в оригинале. Бр-р! Сейчас бы она тоже это читала, если бы поступила на филфак.

— Интересно? — спросила она. Зоя училась в английской школе, где Шекспира не обошли стороной, но из всего наследия великого поэта и драматурга в голове засела только строка: *Tired with all these, for restful death I cry*¹. Иногда ее бывало к месту ввернуть, когда приемник захлебывался от сложных пациентов, но сам Шекспир, кажется, имел в виду нечто другое.

— Круто!

— А по мне так бред.

— По тебе все бред, кроме как в кишках копать.

Зоя попыталась вспомнить, когда последний раз читала не литературу по специальности и не легкий детек-

¹ Первые строки 66-го сонета Шекспира («Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж Достоинство, что просит подаянья, Над простой глумящуюся ложь...» — пер. С. Маршак).

тив в метро, а что-то увесистое, важное для человечества. И не смогла.

— Все бред, — не стала она спорить, — но Шекспир особенно. Каждый герой так просто мечта психиатра. Отелло увековечил свое имя не только в пьесе, но и в названии психического расстройства, Гамлет удачно сочетает в себе симптомы шизофрении и биполярки, у Офелии тоже не все дома... Кого ни возьми, короче.

— Умеешь ты все ополнить! А Ромео и Джульетта?

Зоя улыбнулась. Недавно они с Лизой посмотрели фильм Франко Дзефирелли и остались под впечатлением, Зоя поменьше, а Лиза просто влюбилась, сама не зная толком в кого.

— Жалость к их трагической судьбе мешает понять, что они были просто придурковатые подростки, — сказала Зоя, тут же пожалев, что посягнула на святое, и не исключено, что сейчас ее будут бить.

Но Лиза только достала носовой платочек, вытерла пальцы от мороженого и села обратно на скамейку. Зое она платочек мстительно не предложила, пришлось сорвать с дерева пару листочков.

— Придурковатый подросток — это ты, — буркнула Лиза, — не понимаешь метафору.

— Ну, может, лет триста назад это еще было актуально, но сейчас-то...

— Великое произведение и не должно быть актуально. Там вечные ценности.

Зоя засмеялась:

— Какие? Кровная месть и любовь с первого взгляда? И то и другое чушь собачья.

Лиза насупилась:

— Не чушь.

— Чушь. — Зоя сама не знала, зачем спорит. — Ну кровная месть еще туда-сюда, но любовь с первого взгляда — это явный признак, что люди с головой не дружат.

— Ты дружишь.

— Угу.

Зоя закрыла глаза. Невесомый летний ветерок ласково перебирал листву над ее головой, будто шептал обещания счастья. Лиза влюблена в Шекспира, вообще в Средние века, в романтику страстей, в рыцарство, верность женщин и отчаянную храбрость мужчин. Могла бы стать Дон Кихотом, если бы родилась лет на пятьсот пораньше и мужиком.

Нет, любви с первого взгляда не бывает, и тот, кто в нее верит, рискует попусту растратить свою жизнь. И, может, в Средние века и были какие-то плюсы, кроме повального педикулеза, но Зое больше нравилось жить сейчас, когда человек сам выбирает себе профессию и спутника жизни. Да и вообще, и так в приемнике по выходным не протолкнуться, а если бы мы до сих пор жили по средневековым законам, то в каждом дворе пришлось бы открывать травмпункт, желательно с моргом. Нет, Шекспир устарел со своими страстями, и слава богу.

— Приземленный ты человек, — протянула Лиза с укоризной, — прямо как моя мама. Может, нас с тобой в роддоме подменили?

— Может, и подменили. Но теперь-то уже что... Не знаю, как ты, а я к своим предкам привыкла.

Лиза вскочила со скамейки:

— Пойдем на речном трамвайчике прокатимся? А то смотрю на тебя, и меня тоже рубит.

Август

Ирина вдруг поняла, что сама хочет поехать с Егором на школьный базар. Начальная школа позади, и кто знает, сколько еще раз первое сентября будет для него чудесным днем, а покупка ручек и тетрадок — сборами в волшебное путешествие в страну знаний? Еще год, может быть, два, а потом реальный мир заберет его к себе окончательно и бесповоротно.

— Не выдумывай, — сказала мама, — куда ты поедешь от грудного ребенка?

И в самом деле, куда? Ирина молча налила себе еще чаю. Почему так? Кажется, все позади, прожито и прощено, и теперь они взрослые люди в мирном сосуществовании, и столько сил потрачено, чтобы этого достичь, а одно мамино неосторожное слово, и тут же поднимается со дна души жгучая детская обида — уже теперь и не вспомнить, на что...

Гортензия Андреевна кинула на маму короткий острый взгляд, но тоже промолчала. Видимо, по профессиональной привычке не могла подрывать родительский авторитет.

— Да я сам себе куплю тетрадки, не волнуйтесь, — заверил Егор, — а больше ничего не надо, форма нормальная, портфель клевый, и кроссовки супер!

Ирина бросила взгляд в коридор, посреди которого валялись суперкроссовки. Егор, слава богу, не испытывал особого пиетета перед «фирмой» и за лето довел модную обувь до полной агонии.

— Егор, кроссовки — это обувь для спортивных занятий, — веско произнесла Гортензия Андреевна. Очевидно, родительский авторитет Ирины не был для нее столь

же незыблем, как авторитет мамы, — а на уроки следует ходить в туфлях или полуботинках.

Володя вдруг захохотал в своем детском стульчике.

— Вот твои кроссовки после лета считай что как раз полуботинки, — засмеялся Кирилл, — а еще у тебя полуноски и полумайки.

— И полуформа, — поддакнула Ирина, вспомнив, что брюки уже к концу учебного года приобрели дерзкий фасон «от долгов бегать», а за лето Егор вырос сантиметров на пять.

— И полубокс, — добавила мама, — надо подстричься перед первым сентября. Кирилл — мужчина, конечно, ответственный, но, похоже, ты права, Ира. Лучше тебе самой поехать и все проверить. А мы тут с Гортензией Андреевной справимся, все же у Женечки уже есть два прикорма.

Ирина чуть не поперхнулась чаем от этого неожиданного заявления.

— Утром покормишь ребенка, и поезжайте, — продолжала мама, — а мы тут на кашках и творожке до вечера как-нибудь продержимся.

— Спасибо, мама! — пробормотала Ирина, не вполне веря, что мама предлагает это искренне, а не просто хочет покрасоваться перед Гортензией Андреевной и Кириллом в роли заботливой бабушки.

Не так просто, знаете ли, искоренить условный рефлекс. До глубокой ночи Ирина ждала мамино «я надеялась, ты сама поймешь, что нельзя бросать грудного ребенка!», хлопанья дверью и объявления дочери бойкота, как всегда бывало в детстве, когда Ирина принимала мамино разрешение что-то сделать за чистую монету, — но в этот раз обошлось. Мама даже просну-

лась раньше всех и приготовила омлет, пока Ирина кормила Женечку, и расцеловала их с Егором на прощание.

В электричке Егор спал, прильнув к ее плечу, а Ирина с грустью думала, что, чем лелеять детские обидки, лучше подумать о собственных материнских промахах. Она была неважной матерью старшему сыну. Горькая правда, но надо ее признать. После развода она так сосредоточилась на собственных страданиях, что совсем не думала о том, что сыну тоже плохо. Да, он был тогда маленький, мало что понимал, но от этого, наверное, ему было только хуже, когда большое и родное существо, обнимавшее его и катавшее на плечах, вдруг исчезло неизвестно куда. Неизвестно куда исчезла и веселая ласковая мама, а ее место заняло вялое, глухое от боли создание, через силу выполнявшее свои родительские обязанности. Егор чувствовал перемены в матери, не мог не чувствовать, был растерян, ему было грустно, но Ирина не хотела этого знать.

Она старалась создать сыну веселую и радостную жизнь, но вся ее забота была отравлена мыслью: «Мы должны были делать это вдвоем, а не вдвоем!» Ирина водила Егора в театры, музеи, парки аттракционов и хотела радоваться вместе с ним, но рядом гуляли счастливые полные семьи, и душу затапливала едкая тоска оттого, что она с ребенком одна и дома ее никто не ждет. Причем, странное дело, в этой неутолимой, почти несносной боли не было ни капли тоски по ушедшему мужу. Ни на секунду не посетило ее сожаление, что вот, покинул меня человек, с которым мне было хорошо. Не было ей хорошо, но статус замужней жен-

щины стоил того, чтобы плясать вокруг никчемного нытика. А после развода страдать, будто с нее кожу содрали.

Егор глубоко вздохнул во сне, Ирина чуть подвинулась, чтобы ему было поудобнее, и стала вспоминать дальше, стараясь не жалеть себя.

Она не любила первого мужа, даже влюблена в него не была никогда. Просто он предложил жениться, а время поджимало. Ну как время... Мама, другие женские родственники, замужние подружки в унисон исполняли хорал про принца, про довыбираешься, пробросаешься, засидишься и останешься. Ну и небольшая соль-ная партия от мамы «не Софи Лорен». Что ж, подумала тогда Ирина, главное ведь печать в паспорте и кольцо на пальце, а человек — это уже вопрос десятый. Каким мужа воспитаешь, таким и будет. Всем, в конце концов, ясно, что мужик — это примитивное создание, глина в умелых руках умной женщины. Черт его знает, если бы она тогда умела видеть в человеке человека, может, муж от нее и не ушел бы... Только где ей было этому научиться...

Ирина решительно тряхнула головой, отгоня коварно подкрадывающуюся змею жалости к себе. Сейчас не об этом.

Своего женатого любовника она тоже не любила. Он, в общем-то, даже не очень ей и нравился, но ради вожделенного замужнего статуса она упорно выкорчевывала его из семьи, как старый пень, тратя все силы на эти земляные работы. На ребенка почти ничего не оставалось, жизнь была подчинена одной цели — выйти замуж во что бы то ни стало, нарастить новую кожу, чтобы не так больно было жить.